

изучения общественного мнения. На сегодняшний день выбор метода сбора данных должен определяться целями проводимого исследования, а это означает, что сегодня невозможно говорить об абсолютном превосходстве одного метода над другим.

Литература

1. LinChiat Chang, Jon A. Krosnick, National Surveys Via RDD Telephone Interviewing vs. the Internet: Comparing Sample Representativeness and Response Quality. TNS Global, 2008.

2. Nelems James, «Telephone vs. Internet data collection». Quirks Marketing Research, 2007.
<http://www.quirks.com/articles/2007/20071208.aspx?searchID=146017736&sort=9>, дата доступа: 18.02. 2011.

3. Опросы “Интернет в России”, Специальный выпуск Март 2009. Фонд Общественное Мнение, 2009.

4. Интервью журнала Vue с доктором Митчем Эггерсом, www.omirussia.ru/articles/article_phone_or_online.pdf, дата доступа: 18.02. 2011.

5. An Evaluation of the Methodology of the 2008 Pre-Election Primary Polls. AAPOR, 2009.

6. Bruce Etling, Karina Alexanyan, John Kelly, Robert Faris, John Palfrey, Urs Gasser, Public Discourse in the Russian Blogosphere. Berkman Center Research Publication, 2010.

Антипьев А.Г.,

г. Пермь

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В «АРХАИЧНОМ» ОБЩЕСТВЕ

«Социальная безопасность» понятие сложное и многоуровневое. Часто оно рассматривается как составная часть общественной безопасности,

наряду с политической, экономической, культурной, духовно-нравственной, национальной, экологической, страновой, европейской, азиатской и т.д. и т.п. Социальная безопасность может рассматриваться на глобальном, национальном, региональном, на уровне отдельных общностей (города, села), фирмы, организации и отдельной личности. В настоящее время как показывает мировой опыт, особую значимость приобретает технологическая, правовая, психологическая и информационная безопасность.

Такое многообразие разновидностей социальной безопасности свидетельствует о необходимости комплексного, системного подхода к ее изучению и формированию. Необходима разработка общей теории социальной безопасности, отвечающей вызовам времени. Пока такой цельной теории нет, насколько нам известно. Но это одна сторона проблемы. Вторая, не менее сложная состоит в том, что даже при наличии такой теории потребуются наработка конкретных социальных практик и технологий, способных обеспечить социальную безопасность человеку в усложняющемся социуме. Частично такие наработки есть, но нет четких технологий использования их даже в развитых странах, особенно в кризисных условиях.

По нашему мнению, в основу концепции социальной безопасности человека может быть положена концепция «устойчивого развития общества», утвержденная XIX специальной сессией Генеральной ассамблеей ООН в 1997 г. Основная ее идея состоит в том, что современная цивилизация погибнет, если развитые страны не будут «делиться» своим экономическим, техническим и информационным потенциалом со слаборазвитыми, не будут их «подтягивать» до своего уровня. Аналогичная идея вполне заслуживает внимания и на уровне отдельных стран и даже регионов, в том числе России, где диспропорции в социально-экономическом развитии регионов отличаются друг от друга, порой в десятки раз, что порождает множество проблем, усиливает социальную напряженность в обществе. Яркий тому пример Северный Кавказ, террористический акт в

аэропорту Домодедово, события 11 декабря 2010 г. на Манежной площади и т.д.

В научной литературе существует множество определений понятия «социальная безопасность». Автор статьи придерживается трактовки социальной безопасности, данное членом – корреспондентом РАН В.Н.Кузнецовым, а именно: социальная безопасность – 1) совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны, народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений. Объектами социальной безопасности являются люди, их цели, идеалы, ценности, законные интересы (потребности), общности, отношения; системы социализации человека (образования, воспитания, соцкультбыта); инфраструктуры жизнеобеспечения (здравоохранение, торговля, снабжение и т.д.); образ жизни. Национальные интересы России в социальной сфере заключаются в обеспечении высокого уровня жизни народа; 2) защищенность социальной сферы общества и государства от угроз, способных разрушить её или обусловить её деградацию.

Помимо наличия теоретических проблем обеспечения социальной безопасности человека в российском обществе, можно выделить группы проблем, а именно: экономические, социальные, проблемы культуры, экологии, информационные, психологические, правовые, технологические и другие.

Каждая из этих групп заслуживает особого внимания. При этом необходимо иметь в виду, что перечисленные группы проблем тесно взаимосвязаны друг с другом. Не решив ни одну из перечисленных проблем, невозможно говорить о социальной безопасности ни общества, ни индивида. С учетом рамок статьи, остановлюсь только на некоторых, наиболее их значимых для социальной безопасности человека в российском обществе.

Прежде всего, необходимо учитывать состояние нашего общества. Это состояние в ряде выступлений президента РФ Д.Медведева, прежде всего в его Послании Федеральному собранию (12 ноября 2009 г.), получило характеристику как «архаичное» общество, т.е. отсталое.

«Архаичное» общество оказалось перед рядом серьезных вызовов. Это не только демографическая, социальная (прежде всего запредельное социальное расслоение общества), растущая напряженность в сфере межнациональных и межэтнических отношений, но и усиливающаяся криминологическая ситуация. Так, к началу XXI столетия число зарегистрированных преступлений составило более 3 млн. (в 2006 г. – 3,8 млн.). Однако, как утверждают эксперты, это лишь надводная часть айсберга. По самым осторожным их оценкам, с учетом латентности реальный массив преступности составляет более 10 млн. криминальных деяний в год [1,24]. За последние 16 лет – с 1992 по 2007 – в стране осуждено свыше 15 миллионов человек. Это больше чем каждый десятый во всем населении страны [2,1]. Каждый год скрытый криминальный потенциал подпитывает 300-тысячная армия недавних арестантов, многие из них приходят на волю с устойчивыми уголовными привычками. Эта уголовная прослойка опасна для страны. Подтверждением тому является крайне низкая раскрываемость преступлений. Так, за период 2000 – 2007 год нераскрытыми оказались почти 14 млн. преступлений. Из них только убийств 90 тыс. [3;3].

По данным МВД России за последние три года в 2,5 раза выросла повторная преступность среди условно осужденных. Таких в стране – свыше миллиона, причем 80 % был назначен испытательный срок. Однако многие из них не выдержали это испытание и оказались реально за решеткой [4;2].

Высокий уровень преступности происходит в условиях бездуховного рационализма и обнаженной меркантильности общества и власти. Отсюда и в 20-30 раз выше фоновый уровень насилия, чем в Европе (у нас в 2010-м убили почти 30 человек на 100 000 населения, в Западной Европе – по 1-1,5 человека) [5;3].

Статистика свидетельствует, что среди 305 тысяч граждан, подлежащих набору в вооруженные силы в 2009 г., порядка 100 тыс. людей с судимостью[6;7]. Стоит ли после этого удивляться дедовщине, имеющей массовый характер, нежеланию значительной части молодежи служить в российской армии. По некоторым данным, число уклонистов от военной службы в России превышает 100 тыс. человек. Порядка 7 тыс. парней ежегодно скрываются от призыва в ближайшем и дальнем зарубежье [7;7].

В стране растет количество преступлений на сексуальной почве, особенно против детей. Согласно МВД России, за последние 7 лет количество преступлений на сексуальной почве против детей в возрасте до 16 лет возросло в 30,8 раза [8;2].

Государство ведет борьбу с распространителями наркотиков. За 5 последних лет (с 2005 по 2009 г.) за незаконный оборот наркотиков за решеткой оказалось полмиллиона человек, а в ближайшие три года (с 2009 по 2011 гг.), по данным руководства наркоконтроля РФ будет привлечено еще такое же количество.

Специалисты считают, что усиливается организованность, профессионализм, вооруженность, техническая оснащенность преступности. Она приобретает все более дерзкие и изощренные формы. Яркими такими формами является сращивание криминала и бизнеса с государственными и муниципальными структурами, прежде всего с правоохранительными органами, рейдерские захваты преуспевающих предприятий и коррупция. Последнее явление пронизывает все наше общество. **Коррупция**, по нашему мнению, - **чума слабого государства и свидетельство отсутствия гражданского общества**. Именно по этой причине «...проблемы коррупции с неизменной констатацией причиняемого ею вреда и много того, что еще сопровождает, общество за это время, по существу, ни на шаг не продвинулось по пути реальной борьбы с ее проявлениями» [9; 5].

Председатель Конституционного суда РФ Зорькин в одной из статей в «Российской газете» связал будущее России с борьбой против криминала.

«Вопрос об эффективности ведущейся борьбы с криминализацией – это вопрос о том, сохранится ли Россия в ближайшие десять лет. Мне представляется, что нам на решение этой задачи отведен именно такой исторически кратчайший срок» [10;18].

Основные причины высокого уровня криминологической ситуации в нашем обществе достаточно глубоко изучены учеными. Однако у государства отсутствует системная, комплексная работа по их минимализации. Слабое влияние на эти причины оказывают институты гражданского общества. Нельзя не обратить внимание и на тотальную информационную интервенцию насилия. Целый ряд средств массовой информации «успешно» специализируются в этой интервенции, причем часто финансируются государством.

С точки зрения будущих перспектив нашего развития общества нельзя не остановиться еще на одной проблеме социальной безопасности - информационной.

Хорошо известно, что современное общество более чем когда-либо зависит от информации и информационных технологий. Широкое использование информационных технологий делает актуальной проблему обеспечения информационной безопасности общества, государства и конкретного индивида.

В погоне за безудержным технологическим прогрессом, развитием информационных технологий важно не упустить личность, ее потребности, интересы и безопасность в ее социально-психологической сфере. В истории не раз уже происходило так, что грандиозные открытия человечества начинали «работать» против самого их создателя. Поэтому при проведении социально-экономической и технической политики государству следует учитывать не только достоинства информационного общества, но и те реальные и потенциальные угрозы, которые информационное общество с собой несет. Необходимо выявлять проблемы безопасности и находить пути, методы их эффективного решения.

Проблемы информационной безопасности имеют различный характер: правовой – это проблема обеспечения безопасности связанная с отставанием законодательно-правовой базы от темпов развития процесса информатизации общества; материально-технический – проблема защиты связанная с нехваткой средств для развития и более широкого комплексного применения организационных и инструментально-технических методов защиты информации и режимов функционирования информационно-телекоммуникационных систем. Все названные проблемы немаловажны и зависят друг от друга. И как следствие, из вышеперечисленного возникают социальные проблемы – новый вид социальной девиации – информационной преступности, связанной с сетевым мошенничеством, сбором, использованием и распространением информации о частной жизни людей и т.д. Также в связи с широким распространением информационной техники и новых компьютерных технологий, обладающих свойствами сильного влияния на психику людей, возникает проблема защиты личности, государства и общества от негативного информационно-психологического воздействия.

За рамками данной статьи осталось немало не рассмотренных актуальнейших проблем социальной безопасности человека в современном российском обществе. Они достаточно хорошо известны: это и правовой нигилизм, высокий уровень коррупции во всех органах власти, низкий уровень доверия граждан ко многим институтам государственной и местной власти и бизнесу, запредельное социальное расслоение общества и ряд других.

Все это служит доказательством, что в нашем обществе нужны коренные изменения, а не имитации дел, что мы зачастую наблюдаем. В связи с объявленным курсом власти на модернизацию необходимо активное участие в ней самих граждан.

Мировой, да и отечественный опыт свидетельствует, что любые реформы обречены, если граждане плохо знают их суть и сами активно не

поддерживают их. Пока же эти требования в нашей стране слабо учитываются. Власть начинает осознавать этот недостаток. Свидетельством тому являются общественные обсуждения двух важнейших законодательных проектов «Об образовании» и «О полиции». Но как показывает статистика этих обсуждений значительная часть не только рядовых граждан, но и чиновников не принимают в них активное участие.

В этом состоит одна из существенных причин медленного и непоследовательного обновления «архаичного» общества.

Литература

1. Побегайло Э.Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни // Вест.Моск.ун-т.Сер.18.Социология и политология. - 2010. - № 3.
2. Радченко В. Хорошо сидим // Российская газета. - 2008. - 5 мая.
3. Коц А. Нургалиев пошел на раскрытие 14 миллионов «глухих» дел // Комсомольская правда. - 2007. - 21 августа.
4. Фалеев М. Безопасность в режиме онлайн / /Российская газета. - 2010. - 16 декабря.
5. Радзиховский Л. Вихри манежные веют над нами // Российская газета. -2010. - 21 декабря.
6. Гаврилов Ю. Погоня за призывником // Российская газета. - 2009. - 9 апреля.
7. Справка «РГ» // Российская газета. - 2010. - 4 февраля.
8. Шкель Т. Табу навеки // Российская газета. - 2010. - 25 октября.
9. Добреньков В.И., Исправникова Н.В. Коррупция: современные подходы к исследованию: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Альма Матер, 2009.
10. Российская газета. - 2010. - 10 декабря.

Банникова Л.Н.,
г. Екатеринбург

ОБРАЗ ПРОФЕССИИ КАК МОДЕЛЬ ЖЕЛАЕМОГО БУДУЩЕГО

Предметом интереса ученых традиционно остаётся исследование символического капитала профессиональных групп, позволяющего группе выступать в качестве экспертов, навязывать свой взгляд на решения круга задач членам общества (престиж профессии, её репутация), культурного капитала (знания, умения, навыки или компетенции) профессионалов. Вместе с тем процесс реализации себя в профессии испытывает воздействие образа профессии, особенно на этапе выбора сферы профессиональной деятельности. Этот аспект профессионального становления будущего специалиста исследуется преимущественно психологами и педагогами. Последние уделяют значительное внимание исследованию когнитивной составляющей образа, проблемам формирования позитивного отношения к будущей профессии (эмоциональный и поведенческий компоненты в структуре образа).

Справедливо замечание исследователей о том, что сегодня в социологической науке исследованию образного воздействия на сознание личности, общностей (прежде всего массовых) не уделяется специального внимания [1]. Так, появление новых отраслей социологического знания, например, визуальной социологии, предполагает опору на теоретический анализ понятия «образ», его социологическую интерпретацию. Исследование регулятивной роли образа профессии в социальном развитии личности также значимо и перспективно, как исследование образа вещи в понимании процессов социального взаимодействия.

Социальный образ профессии в первом приближении - это визуальное (наглядное, целостное) отражение действительности. Такое отражение - не

застывшее описание, а текучее, меняющееся с изменением действительности. Категория образа позволяет, предполагает возможность учёта этих изменений. Исследование образа профессии как некой субъективной картины мира отражает взаимодействие субъекта (профессионала) и его окружения, динамику формирования профессионализма и его трансформации в зависимости от изменения социальной среды.

Потенциальные специалисты (абитуриенты) делают выбор не профессии, а образа профессии, поскольку их представления о профессии и о себе как профессионалах неопределенны, расплывчаты. Чаще всего они выступают как «непрофессиональные», то есть некомпетентные потребители образовательных услуг. Они выбирают не профессию как функционал, как вид деятельности, а как группу принадлежности и, в целом, как будущий социальный статус, модель желаемого будущего.

Ситуация может быть оценена, на наш взгляд, как проявление такой особенности поведения потребителей образовательных услуг, как виртуализация потребления. Виртуализация потребления есть любое замещение реальности её моделью, образом. Образы товара или услуги, а не реальные вещи обращаются на постмодернистском рынке. В этом смысле производятся и предлагаются на рынке образовательных услуг не столько конкретные образовательные программы, а в большей степени образы привлекательного, уверенного, респектабельного профессионала, образы успешного человека.

Исследование регулирующей роли образа профессии в выборе будущей группы принадлежности предполагает, по нашему мнению, выделение не менее трёх аспектов анализа:

- влияние субъективного образа профессии, сформированного под влиянием СМИ (имидж профессии), массового общественного сознания (стереотипы, престиж профессии) и, наконец, примером семьи на *мотивы выбора* вуза, специальности;

- изменение субъективного образа профессии в процессе профессионального обучения, в частности, изменение *структуры образа*, соотношения когнитивных, эмоциональных и поведенческих (нормативных) компонентов образа;

- влияние образа профессии на *профессиональные планы* студентов, на формирование стремления включиться в желаемую профессиональную группу, освоить ресурсы группы принадлежности, стать профессионалом, либо получить «верхнее образование» и его знак – диплом как своеобразный пропуск на рынок труда.

Дальнейшее исследование образа профессии предполагает изучение представлений студентов о ресурсах их будущих групп принадлежности, воздействие этих представлений на их профессиональные и жизненные планы, сравнение мотивов первоначального выбора и установок на то, чтобы «остаться в профессии», влияние процессов дестандартизации трудовых отношений и отсутствие стабильных моделей карьеры на изменение образа профессий.

Литература

1. Шуклина Е.А. К проблеме социологического анализа образа вещи // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XIII Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана. - Екатеринбург, 2010. Ч.1

Баранова А.В.,
г. Екатеринбург

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

При рассмотрении потребления как фактора социальной мобильности нужно учитывать три аспекта. Первый: потребление является способом демонстрации социальной мобильности. Когда человек достиг нового социального статуса, изменение в образа жизни и потреблении являются доказательствами достигнутого положения. Второй: потребление может быть фактором осуществления социальной мобильности, лифтом мобильности, когда человек применяет определенные потребительские практики, принятые в какой либо статусной группе, чтобы быть идентифицированным с ней. Это возможно потому, что потребление – особого рода деятельность, процесс взаимодействия с другими людьми (обмен информацией, соревнование, объединение в группы), образ жизни и мыслей» [4; С. 30]. Придерживаясь характерных для желаемого статуса атрибутов образа жизни и потребления, данная личность сама ощущает свою принадлежность к нему и воспринимается так другими, хотя остальных важных составляющих статуса у нее может не быть. Третий процесс: потребление способно стать мотивацией социальной мобильности, когда само потребление является самоцелью и изменение статуса необходимо для того, чтобы иметь возможности для получения каких-либо благ. Данные процессы различаются между собой, но могут идти как совместно, так и по отдельности. По нашему мнению, их осуществление происходит благодаря наличию демонстративности в потреблении, которое осуществляется в соответствии со статусной позицией. Это несет в себе как возможности для социальной мобильности, так и ее ограничения.

Демонстративное потребление – это практика, подчеркивающая приоритетное положение субъекта социальных отношений в социальной структуре. Его основным мотивом является выставление на показ своего высокого социального положения. Средством демонстрации статуса является высокая цена демонстративно потребляемых вещей [7]. Такое потребление может быть способом легитимировать достигнутый статус, доказать изменение своего положения, а может само стать фактором социальной мобильности, когда личность идентифицируют со статусной группой по тем потребительским

практикам, которые она совершает напоказ, поскольку они являются видимым доказательством того, что она обладает и другими составляющими данного статуса (их возможное отсутствие в реальности остается латентным).

Одним из первых на явление демонстративности обратил внимание Т. Веблен [3], который выводил его из противопоставления престижного и полезного видов потребления, являющихся взаимоисключающими понятиями. Потребление низших слоев по большей части утилитарно, а потребление высших – демонстративно. Стратегия показного потребления заключается в небывалых размерах потребления, далеко выходящих за пределы человеческих нужд и физиологических потребностей. Оно необходимо высшим классам, поскольку на них давит «требование расточительности», заставляющее постоянно доказывать свой статус, что определяется представлениями о благопристойном поведении – нормах того, как нужно себя вести.

Но такое понимание демонстративности, когда престижное потребление богатых противопоставляется, аскетизму и утилитарности бедных – это трактовка только одной грани взаимосвязи потребления и социального статуса, социальной мобильности. Во-первых, помимо показной расточительности, осуществляемой намеренно и сознательно как доказательство своего статуса, возможны и практики совершаемые неосознанно. Во-вторых, демонстративное потребление, понимаемое вышеописанным образом, подчеркивает только материальное положение субъекта в социальной структуре наличие у него высокого дохода и собственности, которые позволяют потреблять определенным образом. Следовательно, здесь социальная мобильность – это только изменение материального положения участника социальных отношений, изменение у него объема экономического капитала. Но ведь социальная стратификация включает в себя такие составляющие как культурный капитал, образование, духовный рост. А возможности потребления как фактора социальной мобильности ограничиваются не только изменением материального положения личности или группы. Если человек причисляет себя к среде интеллектуальной элиты, но ему не известны какие-либо ключевые книги или он не видел новых спектаклей (не

совершил акт духовного потребления), знаковых в его сфере режиссеров, то он показывает себя как некомпетентный в данной сфере и имеющий права быть идентифицированным с ней. Хотя его материальный достаток является таким же, как и у многих других представителей данной среды.

Важно, что перемещение актора в социальной структуре возможно не только по вертикальной иерархии (беднее – богаче), но и в горизонтальной плоскости. Например, субъект на основе изменения своих религиозных, ценностных убеждений (был православным, стал буддистом), решил стать вегетарианцем (не потребляет мясо). Его положение в социальной структуре с точки зрения дохода не изменилось, а с точки зрения культурных позиций стало совершенно иным. В.И. Ильин обращает внимание на то, что «человек многомерен и включен в разные типы социальных отношений, каждый из которых обладает своей логикой. Потребляя, индивид сообщает много информации о себе, о своем отношении к ним, соглашается или спорит» [6; С. 36, С. 69].

П. Бурдьё в работе «Различение: социальная критика суждения» [1] показал, что потребление - инструмент воспроизводства статуса и классовых границ, оно связано с экономическим и культурным уровнем, на котором находится индивид и является элементом, составляющим стиль жизни. Потребление осуществляется частично осознанно, а отчасти неосознанно, так как реализуется агентом посредством габитуса, который есть необходимое условие возможности практик, в том числе и в сфере потребления [11]. Габитус задает структуры вкусов и предпочтений в области пищи, одежды, повседневного поведения, выбора способов отдыха. Даже телесные практики, адекватные социальной позиции, инкорпорируются, то есть, буквально встраиваются в тело. Поэтому габитус задает походку, осанку, взгляд, интонации и скорость речи. В рамках исследования процесса социальной мобильности и проблем ее ограничения использование понятия «габитус» устанавливает взаимосвязь между определенными действиями агента и той позицией в социальном пространстве, с которой его идентифицируют другие и он сам, а так же закрепляет именно такие

действия за данной идентичностью. «Габитус позволяет субъекту не только «чувствовать свое место», но и определять места других субъектов» [2]. «К примеру, характеризуя платье, мебель или книгу, мы говорим: «Это мелкобуржуазный стиль»; или: «Это интеллигентно»» [2].

Поскольку социальное пространство, по определению Бурдьё, это «пространство позиций» [5; С.84], то социальная мобильность возможна только через понимание характеристик, составляющих исходную позицию, и характеристик, соответствующих желаемой позиции. Если демонстративное потребление осуществляется без стремления включиться в габитус статусной группы, то такое действие не ведет к социальной мобильности. Как замечает В.В. Радаев: «одной только траты значительных средств для достижения цели престижного потребления недостаточно. Средства должны расходоваться в социально приемлемых формах, т.е. соответствовать культурным практикам целевых групп и локальных сообществ. В противном случае демонстрация платежеспособности воспринимается как чудачество или как нечто неуместное (примером может послужить широко распространенное презрительно-насмешливое отношение к нуворишам, а в постсоветской России – к «новым русским») [10; С.9].

П. Бурдьё говорит о том, что особая позиция каждого класса, идентичность с ним определяется и утверждается через отличие от других классов. Основные оппозиции в условиях существования и восприятия практик заложены в основе сходств стилей жизни представителей одного класса, и их отличие от стилей жизни других. Одна из составляющих социальных различий - соответствующий занимаемой социальной позиции вкус, представляющий собой не только способ обозначения положения человека в социальной иерархии, но и являющийся фактором для ограничения социальной мобильности. Бурдьё указывает на взаимосвязь свободы как составляющей материального достатка и возможностей для проявления вкуса в потреблении. Для бедных потребление – это необходимое условие для восстановления сил для работы, для более обеспеченных слоев –

способ конструирования своего особого стиля жизни, выделяющего их индивидуальность и подчеркивающее принадлежность к своему классу.

На основе классовой принадлежности Бурдьё выделяет два типа оппозиций во вкусах: вкус к роскоши, изысканности, идущий от экономической свободы и характерный для высших классов, и вкус к необходимости, который при появлении материальных возможностей у низших классов перерастает в обжорство. Так, высшие классы отделяют себя от низших, отказываясь от грубого материализма в пользу эстетических наклонностей, они сравнительно меньше тратят на еду, больше на культурное потребление. В высших классах вырабатываются вкусы, связанные с непринужденным самоограничением и своего рода социальной цензурой. Эта аскеза выражается, например, в воздержании от разного рода грубых удовольствий, соблюдении всякого рода ограничений в еде [10; С.8]. Подобная аскеза является демонстративным непотреблением, выделяющим человека с высоким статусом из массы потребителей. Развивая эту мысль, обратим внимание на идею А.Кустарева о том, что стремление бедных слоев к обжорству связано не только с тем, что дорогое гурманство им не по карману, но и с тем, что беднота к тому же ест больше, просто не зная, куда девать свободное время» [9]. Стремление к пище как источнику впечатлений отмечает и российский политолог С. Кара-Мурза. Он пишет о «синдроме кафетерия», то есть постоянном желании быстро съесть что-нибудь вкусное, тяжелое и бесполезное для здоровья, поскольку другие доступные источники наслаждения ограничены [8; С. 330]. При чем одно и то же явление: аскетическое ограничение в потреблении, представителями разных классов воспринимается различно. Для доминирующих аскеза обусловлена эстетическими соображениями, для имеющих низкое положение в социальной структуре – вынужденное ограничение, вызванное необходимостью пережить сложную ситуацию. Следовательно, изменение потребления с точки зрения количества или качества – это показатели осуществления разных векторов социальной мобильности.

Таким образом, в силу принципиальных различий вкусов стили жизни высших и низших классов акторы, идентифицирующие себя со своим классом, не осуществляют мобильность. Габитус, закрепляющий определенные практики, воплощающийся во вкусе и стиле жизни агентов, занимающих в социальном пространстве определенные позиции, ведет к ограничению социальной мобильности. Вкус к роскоши или вкус от нужды формируется из совокупности характеристик социального положения, присущего человеку с детства, и соответствуют условиям существования. Но с другой стороны, хотя стиль жизни и задан постоянно воспроизводимыми представителями группы практиками, то, что именно эти практики позволяют идентифицировать человека с его классом, зависит восприятия самими людьми данных практик как стратифицирующей силы. Следовательно, от собственной активности агента социальных отношений зависит, какую позицию своего положения в социальной иерархии он будет занимать, какую идентичность сконструирует себе.

Литература

1. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения // <http://ecsoc.msses.ru>
2. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть// http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/10/25/0000181456/2_2_3bourd.pdf
3. Веблен. Т. теория праздного класса. М. – 1984. // <http://www.socioline.ru/node/998>
4. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. - СПб. 2008.
5. Ильин В.И. Драматургическая метафора: деятельностно-конструктивистский подход в исследовании повседневности // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы 5 международной конференции, 27 – 27 июня 2009 г. СПб 2009.
6. Ильин В.И. Потребление как дискурс. – СПб. 2008.
7. Ильин В.И. Потребление социально-экономических групп и слоев.

<http://www.consumers.narod.ru/lections/socsec.html>

8. Кара-мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2003.

9. Кустарев А. Демократия и никотин, или о перевоспитании масс // <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/ku2.html>

10. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социс 2005 №С. 9.

11. Шматко Н.А. На пути к практической теории практики // <http://bourdieu.name/content/puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki>

Басимов М.М.,

г. Курган

НЕЛИНЕЙНОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой исследовательской парадигмы, в том числе, и в социологии. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [1]. Мы используем авторский подход к анализу статистической связи (нелинейной, линейной) в единой задаче [4;5].

В социологическом исследовании И.Б. Бритвиной *«Демографические и миграционные установки жителей региона»* решались следующие задачи: изучить особенности демографических установок зауральцев; проанализировать направленность миграционных планов; выявить внешние и внутренние факторы, обуславливающие эти установки; изучить мнение жителей региона в отношении успешности внедрения мер общенационального проекта «Здоровья» и демографической политики в его составе; на основании сопоставления и анализа мнения жителей региона и мнения экспертов выработать практические рекомендации по совершенствованию демографической политики.